

Л. Г. Жедунова, А. А. Королева

Роль семейной истории в переживании женщиной внутренней трансформации в середине жизни

Статья посвящена анализу результатов эмпирического исследования роли, которую играют отдельные параметры семейной истории в процессе переживания женщинами внутренней трансформации в период середины жизни (период естественного биологического старения). Представлена процедура и результаты феноменологического и эмпирического исследования, интерпретация которых осуществляется в контексте трансгенерационного подхода. Авторы обосновывают целесообразность использования метафоры при изучении субъективной реальности, открывающей возможности как для понимания индивидуального характера переживаний, так и для их типологизации. В исследовании было установлено, что определенную роль в специфике переживания женщиной собственной трансформации играет характер психологических границ расширенной семьи: закрытости, непроницаемости семейных границ или открытости для окружающих, проницаемости. На основании результатов корреляционного анализа выявлены сильные взаимосвязи между закрытостью семейного пространства и состоянием угнетенности, «неволи» женщины в середине жизни (метафора «девочка на побегушках»). В то же время состояние творческого полета, открытости новому опыту (метафора «время расправить крылья») связано с открытостью семейного пространства в расширенной семье. Таким образом, психологическая закрытость семейного пространства расширенной семьи не позволяет женщине выходить за рамки привычных паттернов поведения в ситуациях, когда возникает необходимость реагировать «по-новому».

Ключевые слова: семейная история, внутренняя трансформация, переживание, психологические границы, метафора, родовые ресурсы, ключевые фигуры, кризисные переживания, стабильность/нестабильность семейной системы.

L. G. Zhedunova, A. A. Korolova

Role of Family History in Internal Transformation Experience of Women in the Mid-Life Period

This article analyzes the results of the empirical research on the role played by family history of certain parameters in the process of internal transformation experience of women in the mid-life period (the period of natural biological aging). It provides procedures and results of the phenomenological and empirical research, the interpretation of which is carried out in the context of the transgenerational approach. The authors substantiate the feasibility of using a metaphor when studying subjective reality, opening opportunities for the understanding of the individual nature experiences, and for their typology. The study found that a role in the specificity of its own transformation experience of a woman has a character of psychological boundaries of the extended family: privacy, tightness of family boundaries or open to others, permeability. Based on the results of the correlation analysis here is revealed strong relationship between the privacy of the family, and the state of oppression, slavery of women in mid-life (metaphor for «Girl at the beck and call»). At the same time, the state of creative flight, openness to new experiences (a metaphor for «time to spread your wings») associated with the open space in the extended family. Thus, the psychological closeness of family space of the extended family does not allow women to go beyond the habitual patterns of behaviour in situations where there is a need to respond «in a new way.»

Keywords: family history, inner transformation, experience, psychological boundary, metaphor, generic resources, key figures, crisis experience, stability / instability of the family system.

В женском онтогенезе существует период, характеризующийся глубокой личностной трансформацией, связанной как с внешними наблюдаемыми изменениями (например, появлением признаков старения, убывающего физического ресурса и др.), так и с изменениями внутренними (в структуре самоотношения, ценностях, жизненных приоритетах и др.). Во временном отношении данный период соизмерим с возрастом середины жизни. В это время женщина сталкивается с необходимостью перехода на новый жизненный этап, ставящий перед ней серьезную

психологическую задачу – принятие своей трансформирующейся женской природы.

О внутренней трансформации женщины в середине жизни пишут многие исследователи [1, 5, 6]. Р. П. Ефимкина, анализируя особенности возрастных кризисов женщины в инициатических сюжетах волшебных сказок, отмечает, что, в отличие от первой половины жизни, когда человек экстравертирован и его главная задача заключается в адаптации к внешнему миру, во второй половине жизни он как бы разворачивается и обращается вовнутрь: человек интровертирован и осваивает внутренний мир, а не внешний [1].

Иными словами, автор подчеркивает, что в период середины жизни женщина проходит своего рода посвящение в мир внутренний, где в центре внимания оказывается ее внутреннее состояние, переживание.

Подобный «разворот» женщины ко внутренней трансформирующейся реальности актуализирует работу переживания, глубина и тяжесть которого обусловлена как актуальными отношениями женщины, так и предшествующими, в которые она включена как элемент родовой истории.

Вопрос о детерминации женского поведения особенностями семейной истории в сложные, переходные жизненные периоды широко обсуждается в психотерапевтической литературе. Однако на сегодняшний день эти обсуждения практически не выходят за границы феноменологии. Подобное положение делает актуальным проведение специальных эмпирических исследований, позволяющих верифицировать данные клинических наблюдений.

Это послужило основанием для организации исследования роли семейной истории в переживании женщиной внутренней трансформации в середине жизни. Исследование проводилось в течение двух лет и состояло из нескольких этапов, на каждом из которых решались задачи, связанные с проверкой гипотез.

В данном исследовании принимали участие 30 женщин в возрасте от 38 до 45 лет.

В работе использовались психодиагностические методы, направленные на исследование параметров семейной истории (геносоциограмма и метод полуструктурированного интервью), а также метод глубинного интервью, позволяющий описать актуальное состояние женщин.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что роль семейной истории в переживании женщиной внутренней трансформации неоднозначна. Подобная неоднозначность связана с тем, что семейная история, представленная в форме определенных параметров, может выступать как в качестве ресурса для женщины (то есть «усиливать» ее в переходные жизненные периоды), так и в качестве отягощающего фактора («ослабляющего» женщину в период трансформации). Раскрывая основную гипотезу, мы сформулировали ряд частных гипотез:

– Одним из основных параметров семейной истории, опосредующим особенности переживания женщиной данного трансформационного периода, является состояние психологических гра-

ниц расширенной семьи. Степень проницаемости психологических границ определяет характер переживания женщиной переходного жизненного периода.

– Особую роль в переживании женщиной внутренней трансформации играет связь с родственниками по материнской или отцовской линии. В данном случае немаловажную роль для женщины играют как женские фигуры внутри рода (мама, бабушка, тетя и т. д.), так и мужские (фигура отца), несущие разную функциональную нагрузку.

На первом этапе нам было важно определить, что составляет содержание переживаний женщины на данном жизненном этапе. Для этого было проведено интервью, в ходе которого испытуемым предлагалось описать свои переживания. Приведем примеры из протокольных записей респондентов: *«...сейчас я переоцениваю все: как жила, что делала, правильно, или нет... копаюсь в себе постоянно, все, что было значимо несколько лет назад, кажется ничемным...»*, *«...много переосмысливаю, что так сделала, что не так, что еще надо сделать»*.

Данные записи свидетельствуют об интенсивной внутренней работе, направленной на познание и переосмысление внутренней субъективной реальности. Однако в ходе работы мы столкнулись с трудностями вербализации испытуемыми собственных переживаний. Женщинам было трудно передать специфику и нюансы своего состояния. Человек, переживающий кризисные периоды, часто не находит слов, которые могли бы точно передать оттенки и нюансы состояния. В этом отношении он является владельцем языка и его работ одновременно [2]. Невербализованные переживания хорошо понятны их носителю, отличаются объемностью, образностью, эмоциональной окраской и, что самое существенное, уникальностью. Для передачи того или иного состояния, возникающего в процессе переживания, люди часто пользуются метафорами, поскольку метафора обеспечивает понимание, предшествующее знанию.

Развивая теорию живой метафоры, П. Риккер располагал ее на границе между психологией и семантикой, утверждая, что именно здесь осуществляется связь логического с сенсорным или вербальным с невербальным [4]. В. П. Зинченко подчеркивает, что «...обращение к метафоре как бы снимает иллюзию понятности, показывает недостаточность, порой банальность определенных...» [3]. Как только возникает необходимость

в словесном оформлении переживания (феноменологическое интервью, психотерапевтический диалог т. п.), человек становится зависимым от языка, так как может использовать только его средства. В связи с этим, наряду с вербальными отчетами, мы обратились к метафоре.

Все предложенные женщинами метафоры мы объединили в несколько групп, в зависимости от специфики состояния, которое они выражают:

– Метафоры состояния угнетенности, неволи («собака», «вол в упряжке», «обиженное сердце», «девочка на побегушках», «узница»).

– Метафоры состояния стагнации («кусочек льда», «холод будущего», «сон», «грязное болото»).

– Метафоры, выражающие состояние убывающего ресурса («уходящие жизненные соки», «спринтер на длинной дистанции», «выжатая тряпка»).

– Метафоры состояния зыбкости, неопределенности («ускользающая из-под ног почва», «плывущая по течению», «метущаяся душа»).

– Метафоры, состояния эмоционального подъема, протеста («буря чувств», «сотрясающие душу взрывы чувств», «дух бунтарства»).

– Метафоры творческого взлета, свободы, вдохновения («время расправить крылья», «смакующая свободу», «все двери открыты», «ожидание чуда»).

В ходе дальнейшей работы мы выявляли взаимосвязи между параметрами семейной истории женщины и особенностями ее состояния (выраженного в форме той или иной метафоры) на данном возрастном этапе.

Нами было установлено, что определенную роль в специфике переживания женщиной собственной трансформации играет характер психологических границ расширенной семьи. Речь идет о закрытости, непроницаемости семейных границ или же, напротив, их открытости для окружающих, проницаемости. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о сильной взаимосвязи между закрытостью семейного пространства, когда семья замыкается на себе, и состоянием угнетенности, неволи женщины в середине жизни (метафора «девочка на побегушках»). В то же время состояние творческого полета, открытости новому опыту (метафора «время расправить крылья») связано с открытостью семейного пространства в расширенной семье, то есть с более открытыми семейными границами. Здесь проявляется неоднозначность роли данного параметра семейной истории. С одной стороны,

закрытые семейные границы служат определенной защитой от воздействия извне, однако в трансформационный жизненный период их защитная роль приобретает «негативный» оттенок. В данном случае это выражается в отсутствии у женщины творческого приспособления к изменяющейся внешней и внутренней реальности (ощущения, что «все двери открыты» и «время расправить крылья»). Иными словами, психологическая закрытость семейного пространства расширенной семьи не позволяет женщине выходить за рамки привычных паттернов поведения в ситуациях, когда возникает необходимость реагировать «по-новому».

Состояние женщины, характеризующееся ощущением открытости новому опыту, творческого полета (метафора «время расправить крылья»), связано с чувством близости с родственниками по отцовской линии. Обратная тенденция наблюдается при ощущении женщиной близости с родственниками по материнской линии. Неоднозначность роли параметров семейной истории здесь состоит в том, что отцовский и материнский род для женщины в трансформационный жизненный период имеют различную смысловую нагрузку: один усиливает, другой ослабляет. Вероятнее всего, это связано с различной ролью и значимостью мужских и женских фигур в женском онтогенезе, в частности фигуры отца и матери.

К примеру, эмоционально сдержанные, дистантные отношения с отцом имеют прямую связь с состоянием убывающего ресурса (метафоры «уходящие жизненные соки», «выжатая тряпка»). Из этого следует, что отец, как наиболее значимая мужская фигура в женском онтогенезе, выполняет ресурсную, поддерживающую роль для женщины. Отсутствие эмоционально близких отношений с отцом «ослабляет» женщину, усиливая ощущение убывающего ресурса.

Несколько иные взаимосвязи наблюдаются между характером отношений между женщинами в расширенной семье и внутренним состоянием женщины в середине жизни. Описывая данные взаимосвязи, хотелось бы подчеркнуть роль такого параметра, как эмоциональная отстраненность, холодность между женщинами рода. Данный параметр усиливает ощущение женщиной состояния угнетенности, неволи, зыбкости, неопределенности (сильная связь с метафорами «собака», «обиженное сердце», «холод будущего»). Отсутствие эмоциональной связи между женщинами рода, лежащей в основе пере-

дачи некоего сакрального знания и опыта, передающего из поколения в поколение, обуславливает утрату ориентиров женщиной в переломный жизненный момент. Поэтому усиливается состояние неопределенности, растерянности, зыбкости, выраженное метафорой «холод будущего». Говоря словами респондентов, «будущее представляется чем-то неопределенным, я понятия не имею, что делать дальше...».

Анализируя роль женских и мужских фигур в женском онтогенезе, а также характер семейных границ, мы приходим к следующим выводам. Роль отца как первой мужской фигуры в жизни женщины состоит в том, чтобы дать ей необходимый ресурс, обеспечить поддержку ее развитию в переломный жизненный момент. Это выражено в том, что женщина чувствует прилив жизненных сил и способность творчески преобразовать ситуацию. Поэтому эмоциональная связь женщины с родственниками по отцовской линии, вероятнее всего, лежит в основе открытости новому опыту (метафора «все двери открыты»), что всегда предполагает выход за границы расширенной семьи.

В то же время роль женских фигур внутри рода (фигуры матери, бабушки и др.) направлена на сохранение и передачу некоего знания и опыта внутри конкретного рода. В этом случае закрытость семейных границ является необходимым условием сохранения передаваемого из поколения в поколение знания, опыта, стереотипов поведения и т. д. Чувство эмоциональной близости между женщинами рода, в частности по материнской линии, создает некую стабильность семейной системы, ее неизменность. В период психологической трансформации личности это обеспечивает отсутствие состояния угнетенности, неволи, однако лишает женщину ощущения некой перспективы, выраженной метафорой «все двери открыты».

Таким образом, анализ полученных данных позволяет говорить о неоднозначной роли параметров семейной истории в переживании женщиной внутренней трансформации в середине жизни. Значимые мужские и женские фигуры

внутри рода, особенности эмоционального отношения с ними, а также характер семейных границ в расширенной семье могут выступать как в качестве ресурса и ориентира в переломные жизненные моменты, так и в качестве отягощающего фактора.

Библиографический список

1. Ефимкина, Р. П. Пробуждение Спящей Красавицы Психологическая инициация женщины в волшебных сказках [Текст] : монография / Р. П. Ефимкина. – СПб. : Речь, 2006. – 77 с.
2. Жедунова, Л. Г. Психология личностного кризиса [Текст] / Л. Г. Жедунова : дис. ... д-ра психол. наук. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 320 с.
3. Зинченко, В. П., Леви, Т. С. Психология телесности: между душой и телом [Текст] / В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М. : АСТ, 2005.
4. Рикер, П. Что меня занимает последние 30 лет [Текст] / П. Рикер // Историко-философский ежегодник. – М. : Наука, 1991. – С. 296–316.
5. Хорни К. Женская психология пер. с англ. [Текст] / К. Хорни. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. – 222 с.
6. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях [Текст] / К. П. Эстес. – М. : Гелиос, 2001. – 496 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Efimkina, R. P. Probuzhdenie Spjashhej Krasavicy Psihologicheskaja iniciacija zhenshhiny v volshebnyh skazkah [Tekst] : monografija / R. P. Efimkina. – SPb. : Rech', 2006. – 77 s.
2. Zhedunova, L. G. Psihologija lichnostnogo krizisa [Tekst] / L. G. Zhedunova : dis. ... d-ra psihol. nauk. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. – 320 s.
3. Zinchenko, V. P., Levi, T. S. Psihologija telesnosti: mezhdu dushoj i telom [Tekst] / V. P. Zinchenko, T. S. Levi. – M. : AST, 2005.
4. Riker, P. Chto menja zanimaet poslednie 30 let [Tekst] / P. Riker // Istoriko-filosofskij ezhegodnik. – M. : Nauka, 1991. – S. 296–316.
5. Horni K. Zhenskaja psihologija per. s angl. [Tekst] / K. Horni. – SPb. : Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza, 1993. – 222 s.
6. Jestes K. P. Begushhaja s volkami. Zhenskij arhetip v mifah i skazaniyah [Tekst] / K. P. Jestes. – M. : Gelios, 2001. – 496 s.